

УДК 340.12 (095)

DOI 10.25688/2076-9113.2019.34.2.04

А.В. Львов

Древнеримское гражданство: идеал и реальность

В статье рассматриваются вопросы, связанные с римским гражданством, элементами идеального представления о нем и его ценностях и принципах, проблемами их реализации, эволюции и упадка.

Ключевые слова: гражданин; гражданство; Древний Рим; civitas; vir bonus; клиенты.

Несмотря на то что рецепция римского права, оказавшая столь серьезное и долговременное воздействие на разные правовые системы, прошла преимущественно в сфере частного права, влияние римского публичного права прослеживается в ряде правовых институтов. Одним из них является институт гражданства.

Для римлян их гражданский статус всегда был и оставался несомненным предметом гордости. И причины для подобной гордости действительно были (Cicero, In Verrem. V, 167).

Римские граждане были равноправны. Однако равенство римских граждан ограничивалось только рамками юридической правоспособности, их положения по отношению к закону, поскольку политической и социальной сферы оно не касалось [11, с. 23].

Значительную роль играл ценз, складывавшийся не только из происхождения и размеров имущества гражданина, но и из размеров его dignitas — степени уважения по отношению к нему со стороны сограждан, почета, внутреннего и внешнего достоинства, авторитета и т. д. Чем больше был ценз, тем значительнее было место, занимаемое гражданином в социальной иерархии. Ценз также отражался на правах и обязанностях гражданина. Данная система равенства по достоинству (геометрического или пропорционального равенства) мыслилась в период античной классики более всего соответствующей принципу справедливости [9, с. 40; 11, с. 24]. Поэтому для гражданина в эту эпоху идея абсолютного равенства внутри гражданского коллектива была чужда. Гражданин полиса высоко ценил свои права, но к абсолютному равенству не стремился. Различия, вызванные происхождением, наличием собственности и размером дохода, воспринимались подавляющим большинством как естественные и справедливые [9, с. 39–40].

По этим причинам высоко ценилась свобода (libertas) и экономическая независимость. Принцип «жалование делает человека рабом» был прочно

закреплен в сознании римского гражданина. С юридической точки зрения человек, живущий на плату, получаемую за исполняемую им работу, был абсолютно равноправен с тем, кто был экономически независим, однако фактически человек, живущий на жалование, не мог считаться полностью свободным. Недостойным свободного человека считалось занятие почти любым ремеслом (исключая области сельского хозяйства, врачевания, образования, архитектуры, а также крупной торговли). Порицалось ростовщичество и получение доходов со сбора пошлин, а также занятия, обслуживающие наслаждения. К самым презренным ремеслам относился труд поденщиков, перекупщиков и актеров (Cicero. *De off.* I, 150–151; III, 49, 85).

В зависимом положении также находились и многие римляне, которые, будучи клиентами, существовали на подачки своих патронов. Связанные своими клиентскими обязанностями они должны были не только поддерживать своего покровителя всеми возможными способами, но и в своих действиях и даже в частных высказываниях ни в чем не противоречить мнению патрона. Многие клиенты даже отказывались давать согласие на брак своим детям, если их выбор не был одобрен патроном (Martialis. III, 46; VI, 48). В период республики получавший покровительство клиент брал на себя такие же обязательства, как если бы патрон был его родным отцом. Фактически патрон и выступал вместо отца (*in pater loco*). Эти отношения носили сакральный характер и считались священными. Так, уже в законах XII таблиц мы можем найти статью, согласно которой карался проклятием патрон, причиняющий вред своему клиенту (*Leg. XII tab. VIII, 21*). Однако уже во времена республики связь между патроном и клиентом постепенно превратилась в отношения экономической зависимости. В 204 г. до н. э. римские власти даже были вынуждены специальным законом ограничить размеры клиентских подношений своим патронам, так как последние превратили эти подношения в регулярную дань. Клиент же в такой ситуации из положения «приемного сына» опустился до роли паразитирующего прислужника, живущего преимущественно на подачки своего патрона [6, с. 310].

Необходимо отметить, что многие из клиентов были вольноотпущенниками и поэтому были обязаны своим патронам не только своим статусом, но и личной свободой. Разумеется, подобное положение отрицательно отражалось не только на политической активности граждан, но и на самом институте гражданства. Примечателен в этой связи знаменитый процесс против Секста Росция, ограбленного и несправедливо обвиненного всесильным вольноотпущенником Суллы Хрисогоном в отцеубийстве. Власть бывшего раба знаменитого полководца-диктатора была столь велика, что Марк Туллий Цицерон, с блеском выступивший в защиту обвиняемого и добившийся его освобождения, сам был вынужден бежать в Грецию, опасаясь возмездия (Plut. Cicero, 3; Cicero. *Pro S. Rosc. Amer.* VI, 15 – VIII, 29; XXII, 60; XLV, 132 – XLVIX, 142) [1, с. 78–80].

Несмотря на все усилия римлян сохранять чистоту и замкнутость, римское гражданство постепенно теряло свой былой статус. Человек мыслил себя уже не членом отдельного полиса, а гражданином большого государства, границы

которого простирались теперь за пределы Апеннинского полуострова. Таким образом, формально государственный строй Рима оставался прежним, однако, с тех пор как территория *ager romanus* вышла за пределы самого города Рима и разрослась до такой степени, что в конце концов стала включать в себя всю Италию, граждане уже не могли осуществлять свои политические права через участие в комициях, собиравшихся в Вечном городе, поскольку это стало фактически невозможным делом [5, с. 252–253 и др.; 10, с. 46].

Поэтому степень участия обычного гражданина в делах своего государства была не так велика, как роль тех, кто обладал высоким имущественным цензом и степенью *dignitas*. Однако последние, имея своеобразную монополию на *honores*, тем не менее несли и большие расходы, так как магистрат служил отечеству не только своими умениями и добродетелями, но и своим имуществом [11, с. 24].

Принесение собственно себя, своего имущества и своих частных интересов в жертву *civitas* считалось достойной целью для настоящего гражданина. Идеи о римском превосходстве и провиденциальной миссии Рима сыграли в формировании подобных положений определяющую роль. Комплекс добродетелей и норм поведения, которые должны быть присущи квинриту, складывался издавна и нашел свое оформление в понятии *vir bonus*, которым пользуется Цицерон, рисуя образ идеального римского гражданина в трактате «Об обязанностях». Именно понятие *vir bonus* как воплощение гражданина, воина и земледельца очень хорошо иллюстрирует набор не только качеств, присущих идеальному гражданину *civis*, но и круг его прав и обязанностей.

Разумеется, современный Цицерону римский гражданин был, к сожалению, весьма далек от того идеала *vir bonus*, который стремился утвердить знаменитый мыслитель. Проблема упадка нравов, которая столь живо обсуждалась среди интеллигенции римского общества в эпоху краха республики, стала суровой реальностью. Главный удар при этом был нанесен именно тому, что столь ревностно хотели сохранить большинство наиболее образованных людей римского общества — нравам предков (*mos maiorum*). Собственно форма и содержание основных староримских патриархальных ценностей начали изменяться еще тогда, когда римляне осознали себя как *civis*. Так, патриотизм из привязанности к общине, ее богам и обычаям превратился в любовь к отечеству за его законы, права, их гарантированность и надежность. Цицерон четко различает отечество естественное (по рождению) и отечество политическое (по обладанию правами гражданства). Интересы большой родины, то есть *res publicae*, должны всегда стоять на первом месте. Ей гражданин жертвует при необходимости свое достояние и жизнь (Cicero. *De leg.* II, 5).

Процесс расслоения старых ценностей продолжал расширяться и укрупняться, по мере того как римское государство, выйдя далеко за пределы небольшой общины, одного города, присоединяло к себе все новые и новые территории. Эта тенденция очень серьезно сказалась на гражданском сознании римлян и имела свои далеко идущие как положительные, так и негативные

последствия [3, с. 348–349]. Так, Плутарх в биографии Марка Клавдия Марцелла описывает некоего Бандия из Нолы, проявившего чудеса храбрости и мужества в битве при Каннах и чудом оставшегося в живых. Этот человек, обласканный Ганнибалом, стал из чувства благодарности одним из самых горячих приверженцев карфагенян, вплоть до того, что, пользуясь в народе популярностью, склонял жителей Нолы к уходу от Рима. Однако, щедро одаренный Марцеллом, он вскоре вновь встал на сторону римлян (Plut. Marcellus, 10–11). Поэтому не должны вызывать удивления факты того, что в 313 г. до н. э. некоторые италийские города были сданы римлянам без боя местными аристократическими партиями, а при вторжении карфагенян на территорию Италии во всех городах начались волнения (Liv. IX, 24–25). У италиков было много серьезных причин для недовольства действиями Рима по отношению к ним, однако в этом случае вопрос о восстановлении независимости даже не поднимался, так как произошел раскол в самих общинах — аристократия сохраняла верность Риму, тогда как народ был готов поддержать карфагенян [3, с. 351] (Liv. XXIII, 13–14, 39; XXIV, 2).

Облик большинства римских граждан рисовался современниками далеко не прекрасным, а крайне отталкивающим. Катоновский староримский идеал гражданина – воина – земледельца сдавал свои позиции с ужасающей быстротой. Если в былые времена, хваля хорошего человека, о нем говорили, как о хорошем земледельце, храбром солдате и законопослушном гражданине, то теперь *pater familias* окончательно оторвались от земли и перенесли свои интересы на политику и зрелища (Var. Rer. Rustic., II, Пред., 3). Все преимущество этих деградировавших потомков *vir bonus* было лишь в том, что они обладали правами гражданства. Естественно, у тех римлян, которые считали себя людьми порядочными (*boni*), подобные граждане могли вызвать лишь презрение (Cicero. Atticus, I, 16, 11). Пролетарии, кормившиеся государственными или частными подачками, легко продавали свои голоса на выборах и были желанной добычей в руках ловких политиков и демагогов, неустанно ублажавших эту люмпенизированную массу зрелищами, раздачами и обещаниями, формируя из них вооруженные банды, использовавшиеся в качестве уже неотъемлемых орудий политики (App. II, 120; Cicero. Pro Sestio, 103; Atticus, IV, 15, 7; 13; Sueton. De vita Caes., I, 10; Plut. Caesar, 5; Petr. Sat. CXIX, 40–44).

Уже во II в. до н. э. подкуп избирателей стал столь обычным явлением, что по закону Луция Кальпурния Писона (149 г. до н. э.) были утверждены постоянные суды для рассмотрения дел о подкупе и вымогательствах (Cicero. De off. II, 75; Brut., 106; Sallust. De Cat. 18, 2). Для борьбы с подкупом избирателей был принят целый ряд законов, среди которых необходимо отметить Корнелиев закон, закон Кальпурния – Ацилия (67 г. до н. э.), а также Туллийев закон (63 г. до н. э.), явившийся вкладом Марка Туллия Цицерона в борьбу против подобных злоупотреблений.

Другой тенденцией в римском обществе в эпоху краха республики было образование латифундий и катастрофическое разорение мелкого землевладения.

Богатые римляне не стесняясь, силой захватывали владения соседей, убивая их рабов и разрушая дома (Quintil, XIII, 2; Cicero. Pro Tullius, 18–23; App. I, 7; Horat. Odes, II, 18, 23–28). Они же претендовали и на высокие государственные посты, наживаясь и в этой области. Продажность римских магистратов достигала таких масштабов, что стала легендой уже среди современников. Не зря Саллюстий рисовал безрадостную картину гибели целых армий во время Нумантийской и Югуртинской войн вследствие бездарности и корыстолюбия своих полководцев (Sallust. Bel. Iugurt., I, 8, 3; 35, 10; 65, 5; 73, 7; 85, 13).

Грабеж населения провинций наместниками, обладавшими фактически неограниченной властью, их администрацией и откупщиками-публиканами преступал всякие разумные пределы, что обостряло и без того сложные отношения между римлянами и местными союзниками (Cicero. Atticus, V, 15, 3; 21, 7; Ad fam., I, 1, 5; XV, 1, 3; 5; In Verrem. V, 49–61, 70, 108, 127; De Imperio C. Pompeii 65; Sallust. De Cat. 40, 3). Честные и бескорыстные магистраты были такой редкостью, что, по словам Цицерона, его собственная деятельность на посту проконсула вызывала в Киликии восхищение и ошеломление (Cicero. Atticus, V, 21, 7). Разумеется, подобные исключения из правил вызывали активное противодействие со стороны основной массы продажных римских магистратов. Процессы против Квинта Муция Сцевола и Публия Рутилия Руфа были наиболее возмутительными примерами подобной борьбы (Cicero. Brut., 102; De Orat. I, 229; Pro Rab. Post. 27; Vel. Pat. II, 13, 2; Ann. Flor., II, 5 (III, 17)). Таким образом, «...знать начала произвольно пользоваться своим высоким положением, народ — своей свободой, каждый стал тянуть к себе, грабить, хватать. Так обе стороны растащили все; государство же, находившееся между ними, оказалось растерзано на части» (Sallust. Bel. Iugurt., 41, 5).

Растущая нестабильность в римском обществе особенно ярко проявилась в борьбе партий оптиматов и популяров, сильно обострившейся со времени политической деятельности братьев Тиберия и Гая Семпрониев Гракхов. Оптиматы, сплотившиеся вокруг сената, активно пытались ограничить степень вмешательства народа в политическую жизнь государства путем усиления власти лучших и наиболее благонамеренных граждан или, возможно, даже путем выдвижения одного из них в качестве принцепса.

Партия популяров также стремилась к ограничению политического влияния своих противников и усилению власти коллегий и народных трибунов. При этом идея о «сильной руке» принцепса или даже царя была также не чужда плебсу, который видел в нем реальную силу для обуздания власти сената. В отличие от аристократии низшие слои общества нисколько не пугали и перспективы установления в Риме тирании или освобождения рабов, которые принимали активное участие в движении городских плебеев [11, с. 49–50].

О политических настроениях в римских провинциях, к сожалению, мало что известно, но можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что оппозиция сенату и оптиматам была здесь достаточно сильной. Многочисленные слои народных низов, привыкшие издавна к монархической власти

и унижаемые римлянами, и в первую очередь сенатом, восприняли бы переход к единоличной власти вполне спокойно. Приход к власти единоличного правителя, способного установить мир в обществе, связывался в их сознании с улучшением материального положения и благосостояния, а также и с возможностью получить права римского гражданства.

Обе стороны римской гражданской общины были заинтересованы, во-первых, в скорейшем решении вопроса о собственности на землю, а во-вторых, в сильной политической фигуре, способной, взяв на себя полномочия единоличного правителя, эти проблемы разрешить в интересах представителей своей партии. При этом непрекращающиеся войны способствовали созданию в Риме профессиональной регулярной армии, ставшей той реальной политической силой, которой в свое время так не хватало Гракхам. Немаловажным было и то, что начиная с Гая Мария в войско стали принимать пролетариев, которые за короткое время превратились в преобладающий элемент римской армии. Не обладая практически никакой собственностью и видя в военной службе выгодную в различных отношениях профессию, они имели слишком мало оснований для того, чтобы дорожить существующим политическим строем и защищать его.

Таким образом, состав римской армии, утратив свою чисто гражданскую основу, изменился коренным образом: от граждан — защитников отечества — к профессиональным солдатам, готовым последовать за любым удачливым полководцем, интересы которого совпадают с их собственными интересами. И полководцы активно пользовались этим, допуская среди солдат, ради собственной популярности и увеличения численности своего войска, непомерную роскошь, позволяя им безнаказанно грабить и убивать ради своих частных нужд (Sallust. De Cat., 11, 5; 16, 4; Plut. Sulla, 12). Опираясь на армию, можно было диктовать свои условия и вводить свои законы [7, с. 39]. Как пишет Анней Флор, римский народ сначала воевал «за свободу, потом за границы, затем за союзников, и, наконец, за славу и империю» (Ann. Flor., I, 3, 6). Время борьбы за свободу давно минуло. Гражданин – воин – земледелец ушел в прошлое, уступив место землевладельцу, наемнику и пролетарию (Tacit. Hist., II, 38).

Таким образом, основа для введения единоличной власти была налицо. А так как власть одного сама по себе не противоречила *res publicae*, в глазах большинства граждан она не лишала их свободы, не искажала, хоть и по-разному понимаемую, идею гражданственности [11, с. 50]. Если для оптиматов гражданственность была делом избранных, наиболее способных, знатных, богатых и т. п., то для оппозиционных сенату слоев общества она заключала в себе активное участие всех граждан в народных собраниях и организациях типа квартальных коллегий. Тем более что политическая активность в римском обществе в период до установления принципата была еще достаточно сильна.

С наступлением эпохи принципата, по точному выражению Тацита, наступило время, когда «империя рядилась в тогу республики». Система «республика – гражданин» была заменена на связь «империя – подданный». Рим прошел свой путь от полиса к империи, от гражданина к подданному [9, с. 229].

Что касается римских провинций, то там уже во времена республики, и особенно империи, начинает наблюдаться тенденция к появлению богатых неграждан (как правило, выходцев из вольноотпущенников), почти беспредельное влияние которых обесценивало сам статус гражданина. Это положение вещей прекрасно иллюстрируют Петроний Арбитр в «Сатириконе» и Марциал в одной из своих эпиграмм, описывая богатого вельможу, который важно восседает в первых рядах амфитеатра, залепив мушками на лбу клеймо, свидетельствующее о его недавнем рабском состоянии (Martialis. II, 29; Petr. Sat. XXXVII и сл.).

Наряду с негражданами появляется также и множественное гражданство, то есть обладание гражданскими правами одновременно в нескольких полисах, расположенных часто в совершенно различных провинциях [8, с. 79].

Былые гражданские ценности продолжали исповедоваться единицами. Несоответствие между реальной государственной практикой и вкладывавшимся в нее смыслом, целью и ценностями было столь явным, что их утверждение в жизни ставило их носителей в прямую оппозицию государству, превращалось в назидание, укор, вызывая со стороны окружающих лишь ненависть и непонимание [2, с. 24–27]. Помещенное в обстановку духовного вакуума, само понятие *vir bonus* по существу выхолащивалось, и, теряя свою основную составляющую — активное действие (*labores*), несло в себе кризис и умирание.

С течением времени Римская империя достигла пика своего могущества и громадное, непомерно разросшееся государство начало быстро разлагаться. К этому времени идеалы и ценности гражданства в том виде, в каком они существовали в эпоху республики, окончательно утратили для подавляющего большинства римлян свою ценность и были преданы забвению [12, р. 508].

Таким образом, неизбежное различие между должным и сущим вполне проявилось и в римском гражданстве. Пропасть между идеалом и реальностью все ширилась. Кроме того, изменению подверглись и сами идеалы. С течением веков римское гражданство во многом продолжало сохранять свою притягательную форму, но внутренней деградации сопротивляться стало в Риме уже практически некому. «Когда варвары явились у его ворот... душа его уже была давно мертва» [4, с. 132].

Литература

1. Буассье Г. Цицерон и его друзья. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. СПб.: Иванов и Лещинский, 1993. 448 с.
2. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М.: Наука, 1981. 208 с.
3. Куланж Ф. де. Древняя гражданская община. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1895. 374 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
5. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. СПб.: Наука-Ювента, 1997. 737 с.
6. Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М.: МГУ, 1965. 527 с.
7. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М.: Гос. изд-во, 1922. 301 с.

8. *Свенцицкая И.С.* Отношение «гражданин – полис» в системе Римской империи: проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 79–84.
9. *Утченко С.Л.* Политические учения древнего Рима. М.: Наука, 1977. 257 с.
10. *Шеффер В.А.* Афинское гражданство и народное собрание. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. 444 с.
11. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 22–105.
12. *Nicolet C.* Le metier de citoyen dans la republique romaine. Paris: Gal-limard, 1976. 543 p.

Literatura

1. *Buass'e G.* Ciceron i ego druz'ya. Sobr. soch.: v 10 t. T. 1. SPb.: Ivanov i Leshhinskij, 1993. 448 s.
2. *Knabe G.S.* Kornelij Tacit. M.: Nauka, 1981. 208 s.
3. *Kulanzh F. de.* Drevnyaya grazhdanskaya obshhina. M.: Tipo-litografiya T-va I.N. Kushnerev i K°, 1895. 374 s.
4. *Lebon G.* Psixologiya narodov i mass. SPb.: Maket, 1995. 311 s.
5. *Mommzen T.* Istoriya Rima. T. 1. SPb.: Nauka-YUventa, 1997. 737 s.
6. *Radcig S.I.* Vvedenie v klassicheskuyu filologiyu. M.: MGU, 1965. 527 s.
7. *Petrushevskij D.M.* Ocherki iz istorii srednevekovogo obshhestva i gosudarstva. M.: Gos. izd-vo, 1922. 301 s.
8. *Svenciczka I.S.* Otnoshenie «grazhdanin – polis» v sisteme Rimskoj imperii: problema otchuzhdeniya // VDI. 1997. № 3. S. 79–84.
9. *Utchenko S.L.* Politicheskie ucheniya drevnego Rima. M.: Nauka, 1977. 257 s.
10. *Sheffer V.A.* Afinskoe grazhdanstvo i narodnoe sobranie. M.: Tipografiya E'. Lissnera i Yu. Romana, 1891. 444 s.
11. *Shtaerman E.M.* Ot grazhdanina k poddannomu // Kul'tura drevnego Rima: v 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1985. S. 22–105.
12. *Nicolet C.* Le metier de citoyen dans la republique romaine. Paris: Gal-limard, 1976. 543 p.

A.V. L'vov

Ancient Roman Citizenship: the Ideal and the Reality

The article deals with issues related to Roman citizenship, elements of an ideal idea about it and its values and principles, problems of their realization, evolution and decline.

Keywords: citizen; citizenship; Ancient Rome; civitas; vir bonus; customers.